

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ АНТИСОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

Бодак А.Ю.

УО «Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина», г. Брест

Освобождение БССР в ходе операции «Багратион» вернуло население республики к мирной жизни. Однако, в условиях продолжавшейся войны восстановление властных структур, социокультурной сферы натолкнулось на ряд серьёзных трудностей, которые в западнобелорусском регионе имели свои специфические особенности. Брестская область, даже в границах 1954 г., являлась «образцовой» в смысле своей проблемности для власти.

Областное руководство признавало её специфику (здесь практически прошли стороной события революций 1917 г. и гражданской войны, население избежало коллективизации и других аспектов социалистического строительства в виде репрессий 1930-х гг. и т.д.).

В этом смысле события 1939–1944 гг. (1-я советская власть и 3 года немецко-фашистской оккупации) резко изменили жизнь региона. Автор предполагает дискуссионность нижеследующего тезиса, но тем не менее считает, что серьёзные межнациональные противоречия в регионе, где уже давно местные жители разных национальностей притёрлись друг к другу, начались в 1939 г. Оставим за кадром жёсткую практику новой власти в отношении своих оппонентов. Дело в том, что кроме неё произошла определённая активизация проблемы «кто в доме хозяин?» вследствие радикального изменения границ внешних и внутренних.

Польское население области, утратив статус титульной нации и став перед вопросом о дальнейшей судьбе региона («Обратно в Польшу?», «Всем в Польшу или какой-то части региона?», «Вдруг Совсты навсегда?», «А что Германия?»), потеряло определённую стабильность. Украинское население вдруг обнаружило, что на карте появились хоть и квазисуверенные, но, тем не менее, национально оформленные БССР и УССР, и здешние украинцы оказались вне рамок украинской республики. Белорусское население в этом смысле оказалось наиболее удовлетворено сложившейся ситуацией.

Партийное руководство области признавало, что годы оккупации «оставили известные морально-политические последствия в сознании некоторой части населения» [2, л. 3]. Немецкая пропаганда действовала при крайне недостаточном присутствии пропаганды советской. Серьёзным орудием геббельсовского ведомства оказалась ставка на раздувание национализма всех проживавших здесь жителей, кроме русского и еврейского населения. Проблемы, оголившиеся в 1939 г., были умело раздуты. Мелкие обиды, взаимные претензии стараниями националистической пропаганды выросли до глобальных размеров. В итоге на территории маленькой области схлестнулись несколько националистических идеологий – польская, украинская и белорусская, и оккупанты щедро поддерживали внутри них антисоветский компонент. Он, пожалуй, трогательно роднил их все три. Разбираться с этим нацистским «наследием» оказалось суждено советской власти.

В период оккупации к рейхскомиссариату «Украина» отошел ряд районов Брестской области – Брестский, Домачевский, Малоритский, Жабинковский, Кобринский, Дивинский, часть Антопольского.

В Бресте был создан украинский национальный комитет («Украинский допомоговый комитет»). В его функции входили: организация украинских военных формирований, насаждение в различных учреждениях лиц украинской национальности, издание и распространение антисоветской литературы, помощь украинцам, борющимся против советской власти. Эта организация имела филиал в Жабинке – «Просвита», и в Малорите – «За самостийну Украину». Члены последней своими доносами отправили на расстрел 30 советских граждан [2, л. 3 1].

Определенная часть населения области оказалась тесно вовлеченной в украинское национальное движение, и это стало серьезной проблемой для местных властей в первые годы после освобождения Брестчины. На её территории действовали подразделения УПА (Украинская повстанческая армия, ратовавшая за самостийную Украину без советской власти) – «бандеровцы». Но особенно здесь усердствовали так называемые «бульбовцы», которые за свои зверства по отношению к мирному населению и бесприщипность в отношениях с оккупантами были исключены из УПА ещё в 1943 г. Осенью 1944–весной 1945 гг. против них шли настоящие военные действия в Дивинском, Малоритском, Кобринском и Антопольском районах. В них с советской стороны принимали участие войсковые подразделения и оперативные работники органов НКВД, истребительные батальоны, сформированные из местного населения. Последние поначалу оказались малоэффективными. Как признавал Брестский обком партии в ноябре 1944 г.: «созданные ... отряды не могут тягаться по своей силе с бандами» [1, л. 27].

До весны 1945 г. «бульбовцам» удалось серьезно затормозить восстановление Днепро-Бугского канала, частично парализовать работу советских, партийных и хозяйственных органов (особенно в Дивинском и Малоритском районах), срывать работу школьных учреждений. Так, осенью 1944 г. учителя Дивинского, Малоритского и Антопольского районов получили предупреждения на русском и белорусском языках от бандитов о прекращении работы в школах. Были случаи увода в лес на расправу учителей и учительниц (из бывших партизан за то, что они имели мужество в таких условиях добросовестно выполнять свои обязанности [1, л. 46].

В ноябре 1944 г. бандиты напали на рабочих, восстанавливавших Белозёрский канал, убили инженера, рабочие разбежались [5, лл. 38–39]. Боевики взрывали мосты, портили линии связи. Совпархозработникам вместо своей прямой работы приходилось охранять райцентры [4, лл. 5–6]. В Дивине в 1945 г. действовал комендантский час [7, л. 36 об.].

Кроме того, бандиты срывали мобилизацию в Красную Армию (РККА) в военный период. Так, осенью 1944 г. первая попытка мобилизации в Дивинском районе имела результатом 700 дезертиров [8, л. 24]. Затем из граждан 1908–1926 г.р., подлежащих призыву, из 648 учтенных на призывные пункты явилось только 140. Остальные, получив мобилизационные повестки, почти сразу ушли в лес [1, л. 27].

О масштабах деятельности «бульбовцев» можно судить по тому факту, что, например, в селе Повить Дивинского района в сентябре 1945 г. насчитывалось свыше 100 семей, члены которых пребывали в бандах, а в ноябре – уже 160 [7, л. 1]. Парторганы области констатировали, что количество бандформирований весной 1945 г. даже увеличилось по сравнению с осенью 1944 г. [7, л. 30 об.].

Серьезной головной болью властей также стали и действия руководимой из Лондона польской военной организации «Армия Крайова» (АК). На территории Брестской области ее деятельность получила наибольшее распространение в Высоковском, Каменецком, Бerezовском и частично Кобринском, Малоритском и Дивинском районах.

Основными задачами, поставленными перед АК лондонским правительством, были следующие: 1) активизировать меры по мобилизации населения против мероприятий Советской власти; 2) агитация польского населения за создание «Великой Польши»; 3) развёртывание работы по вовлечению в ряды АК новых членов; 4) агитация против репатриации поляков и лозунг «Польша будет и здесь»; 5) агитация против призыва в РККА; 6) готовить вооруженные кадры АК для борьбы с советской властью.

Помимо военных действий с частями НКВД, акковцы проводили в данный период мощную пропаганду, часто достигавшую цели среди польского населения. Ее суть состояла в том, чтобы предотвратить переселение польского населения за черту новой границы и восстановить польское государство в пределах 1 сентября 1939 г.

Особый акцент в этой пропаганде делался на западных союзниках СССР, которые после войны нападут на СССР, а поляки должны в помощь им восстать против Советской власти. Особо отмечается антибелорусская нота в польском национальном движении на территории области (что, видимо, обусловлено тем, что она являлась частью БССР). Арестованные органами НКВД члены АК заявляли, в частности: «Белосток уже принадлежит Польше, где белорусов арестовывают, вешают и расстреливают. Польская полиция проводит на польской земле порядок. Советы считаются с поляками больше, чем с другими национальностями. Мы удивляемся их нахальству, по какому праву они не отдали Польше Гродно, Брест, Волковыск и Вильно. Но Львов будет без сомнения наш. Если Польша на бумаге будет коммунистической, то на деле он будет такой, какой был раньше» [1, л. 31]. Или: «Придет время, мы расправимся с большевиками. Рано или поздно здесь все равно будет Польша, и мы ее не отдадим ни Германии, ни СССР, а с белорусами мы расправимся» [1, л. 32].

Агитация, направленная на срыв репатриации польского населения, имела определенный успех. Многие поляки отказывались выезжать в Польшу, мотивируя это тем, что вопрос о границе окончательно еще не решен. Почву для подобных настроений давал также факт двусмысленного положения белостокского региона, фактически отошедшего к Польше сразу после освобождения от немецко-фашистских войск и официально переданный ей только через год, в августе 1945 г. АК так же, как и украинские националисты, срывала хлебозаготовки и призывы в РККА [1, л. 27].

К польскому и украинскому компонентам проблем, стоявших перед руководством области, добавился еще и белорусский. Наиболее активно белорусское национальное движение проявлялось в Ружанском, Пружанском, Шерешевском, Высоковском, Косовском и Березовском районах. Значительная часть указанной территории в годы оккупации вошла в состав Германии, и белорусские национальные организации находились под тесным патронажем германских властей. Если в других районах главный лозунг был «За независимую Беларусь», то здесь – «Организация белорусского населения на всемерную помощь немцам против партизан и Красной Армии». В названных районах активно действовали организации «Беларускі корпус самааховы» (БКС) и «Саюз беларускай моладзі» (СБМ). Например, в Высоковском районе насчитывалось 11 организаций БКС (150 членов), Шерешевском – 10 (120 членов) и др. Особую активность здесь проявляли учителя. Они являлись руководителями основного количества местных национальных организаций. Самым крупным отделением СБМ являлась Березовская и Косовская. Их члены имели свою форму и фашистскую атрибутику. Вступление в СБМ оккупанты поощряли внеочередным наделением землей, патентами на торговлю и мастерские, правом освобождения от угона в Германию.

Три года фашистской пропаганды наложили известный отпечаток на часть молодежи области. Тяжелее всего пришлось тем, у кого период становления личности и формирования мировоззрения пришелся на оккупационный период. Партийные и комсомольские органы констатировали тот факт, что бывшие члены СБМ чувствуют себя в условиях освобождения от оккупантов как чужие, на собраниях молодежи держатся обособленно и в комсомольских и других общественных делах абсолютно не активны. Отдельные их вопросы на собраниях ставили руководство в тупик: «Почему вы думаете, что между немцами и белорусами нет родственных отношений?»

или: «Когда всё-таки будет независимое белорусское государство?» [1, л. 33]. Кроме того, местная молодежь некоторое время игнорировала комсомол как организацию, и количество вступивших в нее по районам к началу 1945 г. варьировалось от единиц до десятков членов [3, л. 8].

Таким образом, тугой клубок национальных отношений, который был в значительной мере запутан немецкими оккупантами, долгое время будет являться трудно разрешимой проблемой для советской власти. На его распутывание уйдут долгие годы. Нельзя сказать, что эта проблема была решена окончательно, но следует констатировать, что власть с должной свирепостью удавила наиболее крайние проявления сопротивления, при этом иногда перегибая палку.

«Вегетарианская», пропагандистская деятельность в этом смысле оказалась малоэффективной. С белорусским национальным движением в основном справились арестами. С польским и украинским – путем вооруженной борьбы и высылками. Точку над деятельностью их организованных формирований поставит коллективизация. Централизация источников продовольствия перекрыла им каналы снабжения продовольствием, и голод к началу 1950-х гг. выгонит из леса самых упорных. При этом отдельные, хоть и вялые попытки сопротивления власти будут иметь место и в течение 1950-х гг.

Список цитированных источников и литературы

1. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 16
2. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 9
3. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 65
4. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 11. – Д. 11
5. ГАБО. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 4
6. ГАБО. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 26
7. ГАБО. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 27
8. ГАБО. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 106

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКИХ РЕПАРАЦИЙ СОЮЗНИКАМИ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ (1945–1953 гг.)

Василенко Л.В.

УО «Нижневартовский государственный гуманитарный университет»,
г.Нижневартовск

Проблема германских репараций после Второй мировой войны является малоисследованной в отечественной и зарубежной историографии. В историографии изучения проблемы можно выделить три основных периода: 1) 1945–1949 гг. – послевоенный период; 2) 50-е – конец 80-х гг. XX в. – период, который характеризуется идеологической конфронтацией между западными учеными и учеными-марксистами, ограничением доступа к источникам; 3) с конца 80-х гг. XX в. до наших дней – период переосмысления событий на основе новых архивных источников и прекращения конфронтации.

На первом этапе собственно исторических работ, посвященных советской оккупации, не было. Оценки оккупационной политики в Германии в статьях и публичных выступлениях политических лидеров СССР и Восточной Германии (И.В. Сталина, В.М. Молотова, В. Пика, О. Гротевоя) зависели от изменения политического курса СССР и ГДР, международных кризисов начального периода «холодной войны» [2, 10, 13, 17].